

УДК 343.91+343.979

УГОЛОВНЫЙ ЖАРГОН — КОММУНИКАТИВНЫЙ АТТРИБУТ УГОЛОВНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ (историко-правовой аспект)

Е. В. Шкуратенко

заведующий кафедрой истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент,
Национальная академия внутренних дел (Украина)
e-mail: kgpp@ukr.net

***Аннотация.** В статье раскрываются основные аспекты развития и распространения коммуникативного аспекта криминальной субкультуры — жаргона криминального, который известен как диалект криминальной среды.*

***Ключевые слова:** жаргон криминальный, криминальная субкультура, преступник, уголовная среда.*

***Annotation.** This article is devoted to the main aspects of the development and distribution of communicative aspect of criminal subculture of the criminal jargon (argot), which is known as a dialect of criminal society.*

***Keywords:** criminal jargon (argot), criminal subculture, criminal, criminal group.*

Жаргон уголовный («жаргон» — диалект) — 1) язык, присущий определенному классу, профессии, который имеет специальную терминологию и выражения; 2) это социальный диалект («арго» — фр. argot), который возник, развился и существует в деклассированной среде (как правило, среде преступников); имеет семантико-стилистические особенности в отличие от литературного языка.

Одну из центральных позиций в уголовной субкультуре занимает, бесспорно, ее язык — арго, или жаргон уголовный. По своей сути это явление уникально, в какой-то мере феноменальное, ему принадлежит одна из главенствующих ролей в среде преступного мира.

Понятие жаргона уголовного (арго) нельзя ограничивать, рассматривая его лишь как социолект и жаргон преступников, с помощью которого члены преступного мира идентифицируются как отдельное звено, противопоставляя себя законопослушной части общества. Жаргон уголовный — это язык всего преступного мира, общепринятый и абсорбированный с этой средой. Вместе с тем динамика его использования разная, что позволяет быстро распространяться в общем употреблении.

Жаргон уголовный — это явление межнациональное, ведь его лексико-фонетический состав — это абсорбция слов разного происхождения и применения, значение которых нередко отличается от языка оригинала. Существуют

многочисленные предположения относительно происхождения уголовного языка. Наиболее известной гипотезой является та, что в основе уголовного жаргона лежит язык «офеней», мелких торговцев, которые ради налаживания тесной коммуникации и во избежание распространения необходимой тайной информации создали собственный язык, непонятный другим. Что касается подходов к определению данного понятия, то они достаточно вариативные. Основу исследований жаргона уголовного составляют труды таких исследователей, как Ю. Александров, В. Быков, Ю. Дубягин, А. Закалюк, В. Тулегенов, а также словари уголовного жаргона.

В XV–XVI веках в средневековой Европе, во время правления Карла V, появились первые словари преступного жаргона, например *Liber Vagatorum* — 1528 года под редакцией Мартина Лютера. В них отмечалось, что воры и попрошайки — это древние пятна в истории всего мира, и, вероятно, они существовали еще до начала цивилизации, так как и их язык. Появление таких словарей можно объяснить рядом законов, направленных против бродяжничества, которое в свою очередь отождествлялось с преступными видами деятельности. Большинство исследователей считают, что арго вобрало в себя значительное количество слов из профессионального жаргона моряков, профессиональных попрошаек и им подобных.

Жаргону не присущи общепринятость и четкость терминологического изложения, а наоборот — он богат разнообразием, которое зависит, в первую очередь, от региональности и круга его применения. Владимир Даль называл жаргон криминальный «блатной музыкой», которую в течение длительного периода времени составляли попрошайки, воры, плуты и другие [1, с. 134].

В предисловии к словарю В. Трахтенберга «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)» в 1908 г. И. А. Бодуэн де Куртенэ выразил мнение о том, что необходимо исследовать «тайный язык», «жаргон тюрьмы», или «блатную музыку», которая составляет достоверный материал для психологов, юристов, лингвистов, языковедов. В предисловии к данному словарю даже отмечалось, что арго является одним из «диалектов», которые бытуют в обществе, но, бесспорно, в ином смысле этого слова.

На титульной странице указывалось, что словарь составлен по материалам, собранным в пересылочных тюрьмах: Петербургской, Московской, Виленской, Варшавской, Киевской, Одесской [2, с. 20].

По мнению Бодуэна де Куртенэ, само понятие «жаргон тюрьмы» и словарь терминов присущи не только ворами и плутами, но и представителям других «профессий», которые заслуживают «не пренебрежения в большей мере, а сочувствия и понимания, так как грани эти между преступным и непреступным миром очень размыты». По утверждению Бодуэна де Куртенэ, «блатная музы-

ка» — это продукт международного общения, носители «блатного промысла» и «блатных специальностей» принадлежат ко всему человечеству. И благодаря такой коммуникативности «блатная музыка» вобрала в себя не столько заимствованные из разных языков слова, сколько своеобразные ассоциации значений, возникших в инородной среде. Вместе с тем, хотя и в меньшей мере, заимствованы и строение слов и выражений, фонетическая оригинальность, которая бы не противоречила региональным языковым особенностям [2, с. 13].

Составные элементы «блатной музыки» в значительной степени выделяются своим интернационализмом. Прежде всего, формирование блатного словаря и его международность оказываются в многочисленных заимствованиях из немецкого и польского языков, частично прослеживаются еврейские корни в разнообразии слов, которые составили основы уголовного жаргона.

Сам термин «блатной» перешел из немецкого через польский *Rotwelch*. Немецкий термин *Blatter* — значит «вор», *blat* — «доверенный, согласен на что-то», польское *blat* — «укрыватель краденого», *blatny*, *blotny* — «преступный», то есть то же, что и в арго — «блат, преступление», блатной — «член преступного мира».

В 30-х годах XX века в СССР уголовный жаргон арго вошел в широкое употребление, именно благодаря лагерям, основанным в период тоталитарно-репрессивной системы, через которые в советский период прошло значительное количество населения. Борьба с криминальным жаргоном проводилась неоднократно в СССР, однако была малоэффективна в силу функциональности самого арго.

В XX веке существовала определенная консолидация и отождествление понятия «тюремно-лагерно-блатной жаргон», как языковая традиция криминальной среды. Состоялось взаимопроникновение жаргонной тюремно-лагерно-блатной лексики. Лагерь накладывал свою специфику на жизнь того, кто в нем находился и следовал жизни «блатного». Из этимологии этого жаргона выделяются слова, истоки которых берут начало как из вековой истории, так и из лагерного советского «новояза». Однако лексика среды политических узников, лексика обычных «блатырей» и надзирателей отличалась между собой.

Причины существования криминального жаргона, по мнению исследователя криминальной субкультуры Ю. Дубягиной, заключаются, прежде всего в извращенной психологии преступников-рецидивистов, сущность которой характеризуется особенностью их личности [3, с. 7].

Жаргон блатной или «феня» находится в постоянном развитии. Насчитывается около 15000 слов и словосочетаний. В уголовном жаргоне достаточно большое количество синонимов, и одно понятие может отражаться сотнями разных слов. Большинство лексики, которая используется в уголовной среде,

обозначает средства преступной деятельности, способы избежания преследования, поведение в суде, характер преступной деятельности, субъекты и объекты преступлений. Наблюдая изменения, которые происходят в уголовном жаргоне, можно проследить за тенденциями, которые возникают в преступной среде. Например, потребность в защите интересов относительно бизнеса, недвижимости и тому подобное повлекла введение таких понятий, как «крыша» и «крышевать», то есть предоставлять определенного рода защиту.

Уголовный жаргон также выступает классификатором в преступной иерархии, поскольку каждая каста («масть») имеет свое имя собственное и присущую специфику. Каждый член сообщества в криминальной среде отражается сроками жаргона, имеет свое определенное положение в преступной иерархии, полностью прогнозируемое поведение, права и обязанности, которые также отображаются в словаре.

Жаргон уголовный активно распространяется в среде несовершеннолетних через его выразительность, образность, таинственность, романтизм и прочее. Уголовному жаргону свойственны определенные саркастические и иронические подходы. Но ни одно слово из уголовного жаргона не способно раскрыть определенное новое содержание, а лишь указывает на факт.

В криминальном жаргоне выделяются несколько структурных разновидностей: общеуголовный жаргон, которым в полной мере пользуются представители всех слоев преступного мира; специальные профессиональные преступные жаргоны, среди которых выделяется жаргон сутенеров, проституток, наркоманов, несовершеннолетних, и тому подобное; «тюремный» жаргон, который отображает специфику среды сообщества преступников в местах лишения свободы [4, с. 47].

Академик Д. С. Лихачев также в свое время проводил исследование языковой среды аргю. Он отмечал, что связь, которая устанавливается словом, всегда односторонняя — это или сигнал, или определенное побуждение, потому в основе преступного мышления находится не воссоздание и передача собственных мнений, а эффект, который будет произведен на окружающих, где слово выступает как средство. Ни одно слово из криминального жаргона не способно раскрыть какое бы то ни было новое для преступника содержание, оно лишь указывает на факт. В криминальной среде также недопустимо употребление ругательных слов относительно вора, во многих случаях это может быть «смыто» лишь кровью.

Исследование уголовного жаргона как коммуникативного атрибута уголовной субкультуры дает понимание механизмов формирования и передачи отрицательных впечатлений в правосознании определенных групп населения, помогает выявить закономерности в негативных процессах социализации.

Список основных источников

1. Даль, В. И. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка / В. И. Даль // Вопросы языкознания. – 1990. – № 1. – С. 134–156. [Вернуться к статье](#)
2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Предисловие к словарю В. Ф. Трахтенберга «Блатная музыка (“Жаргон” тюрьмы)» / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – СПб., 1908. – 32 с. [Вернуться к статье](#)
3. Дубягина, В. П. Краткий англо-русский и русско-английский словарь уголовного жаргона / В. П. Дубягина, Е. А. Теплицкий. – М. : Терра, 1993. – 740 с. [Вернуться к статье](#)
4. Александров, Ю. К. Очерки криминальной субкультуры / Ю. К. Александров. – М. : Права человека, 2001. – 152 с. [Вернуться к статье](#)